

1
**“ДОРОГИ,
КОТОРЫЕ МЫ
ВЫБИРАЕМ...”**

Новый год в городе макумбы

Самый удивительный Новый год в моей жизни — бразильский, в Рио-де-Жанейро, на Копакабана. Хотя диковины начались с другого пляжа — Ипанема: там я жил, что невероятно, и вот почему. Двадцать пять лет назад, во время службы в Советской армии, мой однополчанин, джазовый пианист, ныне известный музыкант и критик Олег Молокоедов, прокрутил мне пленку певицы Аструд Жильберто — “Девушку с Ипанемы”. Мы тогда увлекались очень прозой Альбера Камю, Сартра, других экзистенциалистов и нашли общее с этой прозой в песне: та же внешняя бесстрастность при насыщенной чувственности, знаменитый “нулевой градус” письма, в данном случае — пения.

Через два десятка лет, в иной жизни и совсем другом полушарии, я пошел на выступление Аструд Жильберто в Нью-Йорке, в джазовом клубе *S.O.B.* Она оказалась стройная, молодая, веселая и пела так же, как тогда, в каптерке нашей казармы. Я подошел к ней и рассказал о восторгах ефрейтора Советской армии. Певица была заметно тронута — такой экзотики она никогда не слыхала — и тут же предложила исполнить песню по моему заказу. Понятно, это была “Девушка с Ипанемы”.

И понятно, что в первый же вечер в Рио-де-Жанейро я пошел разыскивать ресторан, где была написана песня. В 62-м

году бразильский композитор Антонио Карлос Жобим с приятелем, поэтом Винисиусом де Мораисом, сидели в своем любимом ресторане и увидели проходящую по улице ту самую девушку с Ипанемы. У нее есть имя — Элоиза Пиньеро, сейчас она мать четверых детей и живет в Сан-Паулу. Но тогда она была “девушкой с Ипанемы” и вдохновила Жобима и Мораиса там же, прямо на салфетке, записать песню, которая стала одной из самых популярных мелодий нашего времени.

Сейчас ресторан — достопримечательность. В нем нет ничего особенного, кроме названия — *Garota de Ipanema*: на стене увеличенная копия нот на исторической салфетке. Сидя на открытой террасе, глядишь на девушек, которые, надо сказать, очень вдохновляют. Мы поделились впечатлениями с женой и несколько разошлись во мнениях.

Дорого раздеться — дороже, чем дорого одеться.

Самые дорогостоящие наряды рядовой праздной наблюдатель может увидеть вовсе не на Пятой авеню или Елисейских Полях, даже не краем глаза по телевидению, а на пляже. Простая арифметика: цена одного квадратного сантиметра купальника достигает десятка долларов. Платья и шубы такой стоимости (или таких размеров) еще не изобретены.

Нигде не владеют этим искусством так виртуозно, как на пляжах Рио-де-Жанейро. Здесь доведена до высшей невидимости идея бикини, сама по себе ставшая революционной более чем полвека назад. Не зря купальник из двух частей с линией трусов не по талии, а по бедрам, назвали по имени атолла Бикини, где в 46-м испытали атомную бомбу. Взрыв пляжной моды оказался долговечнее ядерного, разметав эротические осколки по всем побережьям мира. Пляжи Рио сделались неким испытательным полигоном, откуда и явились на свет те три треугольника на ниточках, которые человечество негласно договорилось считать предметом одежды.

При всем этом нудистов Рио не приветствует: все-таки Бразилия — католическая страна. Католицизм, правда, не мешает как угодно изменять творение Божье по произволу самого творения. В Рио пластическая хирургия процветает, что понятно: нигде нет такой надобности и возможности применения профессиональных навыков, такой площади открытого тела.

Рио — голый город. Кто не был — представить трудно. Море морем, но и в десятке кварталов от него встречаешь матрону в откровенном купальнике, выбирающую овощи на зеленом прилавке. В нотариальную контору заходит солидный мужчина с сигарой: на нем ничего, кроме плавок. Я видел, как две женщины в строгих офисных костюмах вышли на пляж, быстро разделись, сбросив тонкое сукно, остались в тончайших цветных полосках и бросились в воду. Одевшись, выпили у тележки на колесах по стакану свежесжатого сока манго и ушли на высоких каблуках. Называется — обеденный перерыв.

Шорты и сандалии выглядят здесь пиджачной парой, майка — смокингом, на длинные брюки оглядываются.

Пляж определяет дух и стиль Рио: что взять с голого человека, чей удел — купаться, приплясывать, подбрасывать мяч и глазеть на окружающих (сколько же прекрасных часов я провел, разглядывая купальники, что ли... Ну пусть будет — разглядывая купальники).

Вокруг пляжа клубится деловое процветание Рио: производство кремов для и от загара, спортивного наземного и водного инвентаря, бешеного ассортимента купальников и солнечных очков; индустрия красоты (та же косметическая хирургия); здешнее повальное увлечение — торговля свежесжатыми соками в сотнях околопляжных *juice-bar*’ов; знаменитейший (наряду с кофе) бразильский экспорт — футбол, многие звезды которого начинали с мальчишеских игр на пляже.

Пляж господствует и в географии города. В Рио причудливым образом многоэтажные кварталы сменяются девствен-

ными лесами, а когда, счастливый, что попал-таки в вожде-ленные джунгли, смотришь на карту, то обнаруживаешь себя все-таки в городском центре. В этот природно-градостроитель-ный хаос только пляж вносит ясность — потому что тянется вдоль незыблемого океана, что ровен и плавен, что охватыва-ет гигантской дугой легендарный город. Собственно, это цепь перетекающих друг в друга пляжей. С востока на запад, от горы Сахарная Голова — некогда пристойные Ботафого и Фламенго, ныне известные скорее футбольным болельщикам (так называются местные команды); наиболее демократичные и знаменитые — Копакабана, Ипанема; фешенебельные Леб-лон и Сан-Конрадо.

Самба — самая легкомысленная, самая расслабляющая музыка в мире, и весело смотреть, как распушенно выглядят респекта-бельные туристы откуда-нибудь из Германии, розовые, в бе-лых панамках, отчаянно приплясывающие под звуки самбы. И тем большим сюрпризом оказывается серьезность самбы. Об этом узнаешь, попав на богослужение культа макумбы.

Макумба — языческий культ, религия африканских не-гров, привезенная сюда, в Бразилию, вместе с самими негра-ми-рабами и не только прижившаяся на новом континенте, но и процветающая. Об этом не совсем прилично говорить вслух, тем более что Бразилия считается самой большой като-лической страной в мире: по официальным данным, 90 про-центов ее 140-миллионного населения — католики. Это прав-да, но правда и то, что сообщают данные неофициальные: от 60 до 80 процентов бразильцев в той или иной степени испо-ведуют религию макумбы. Их католицизму это не мешает, в чем я убедился наглядно.

Наш гид, мулат Марселло, сделался серьезен, когда я по-требовал, чтоб он устроил посещение терьеро — храма ма-кумбы, ушел звонить, вернулся торжественный и сказал, что в

восемь вечера мы отправляемся. Мы отправились и долго-долго ехали среди холмов куда-то за Рио.

Над калиткой кованого железа на фанерной табличке значилось: “Церковь Святого Иеронима”. Мы прошли по дорожке в помещение вроде складского: беленые стены, крыша из гофрированного алюминия. По просторному залу бродили человек двадцать в белом и босиком — жрецы и служки. Отделенные от зала низким барьером ряды стульев, где уже сидели тридцать–сорок прихожан. Посторонних и одновременно белую расу представляли мы с женой.

Сначала мне показалось, что попал на новогодний вечер в младших классах сельской школы. Стены и потолок украшены изделиями из фольги и разноцветной бумаги: звезды, рыбки, сабли, короны, молнии, веера. На нитках свисали конфеты в серебряных бумажках. При этом имелся алтарь с деревянной скульптурой — полный христианский пантеон: Иисус, Богородица, Иоанн Креститель, святой Себастьян, Франциск Ассизский. Это те, кого я смог опознать в незатейливых изображениях, опять-таки напоминающих детские поделки.

В правом ближнем углу размещалась так же примитивно изготовленная сцена Рождества, над которой почему-то вздымалась голая коричневая женщина из картона. Рядом стояла серебристая лодка с большой, в человеческий рост, русалкой из фольги. “Это Иеманья, морская богиня”, — сказал Марселло, которому было как-то неуютно: жрецы на нас внимания не обращали, но прихожане перешептывались и показывали пальцами.

Посреди зала стояла плоская тарелка с цветами и нарезанными крутыми яйцами (символ Солнца), перед которой склонялись все входящие, заламывая руки и бормоча. Затем каждый приклонялся лбом и руками к стволу дерева, обвитому голубой лентой и прорастающему прямо сквозь алюминиевую крышу. От тарелки и ствола переходили к алтарю, где так же кланялись Христу и Богородице. Затем — морской богине из конфетной бумажки.

В половине десятого грохнули три барабана и твердым, хорошо поставленным голосом что-то красиво-угрожающее запела девушка, которая так, не садясь, не прерываясь, пела три с половиной часа. Это было антифонное пение: когда солист выдает куплет, а хор отвечает. Жрецы, произвольно расположившиеся по залу, слаженно пели, не двигаясь с мест. Я спросил Марселло, где же пляски, он поднял большой палец, что у бразильцев означает и удовлетворение, и предостережение, и обещание. Мы стали ждать, и на третьем песнопении началось перетоптывание, к пятому перешедшее в припляс, припадание на колени, легкие прыжки. Примерно с восьмой молитвы начался шабаш.

Я сразу выбрал себе три объекта. Толстуха в желтом платье, опоясанная широким белым полотном, выглядела самой активной. Красавица, с правильными строгими чертами, выделялась молодостью. Старуха, седая и мужеподобная, поражала исступленным взглядом, направленным в никуда.

На исходе второго часа Старуха со страшным лицом маршировала взад-вперед, дико вскрикивая и перегибаясь назад так, как человеку не дано перегибаться. Поправляя великолепные волосы, Красавица отходила в угол, выбегала на середину, издавая вопль такой силы и пронзительности, что у меня каждый раз останавливалось сердце, хотя можно было, кажется, привыкнуть, наклоняясь, метя рассыпавшимися волосами земляной пол. С не подобающей ее фигуре грацией кружилась Толстуха, время от времени падая плашмя всем своим большим туловищем перед алтарем. Трижды ее уводили служительницы, назначенные, как я заметил, следить за коллегами, куда-то за кулисы и отпаивали водой, после чего Толстуха возвращалась, чтобы снова так же неистово закружиться и снова так же впечатляюще грохнуться на пол.

Другие не отставали. Почти не сходя с места, гремя бусами и тряся головой, плечами, руками, впадали в полную прострацию жрецы-мужчины. Женщины отчаянно кружились и

бегали, истошно крича, извиваясь, переламываясь, валясь на колени и навзничь.

При всей чувственности криков и телодвижений, в радении макумбы нет ничего сексуального. Это предусмотрено даже и технически: под широкие белые балахоны надеты или нижние юбки, или, как у Красавицы, короткие, до колен, панталоны, так что при самом бешеном вращении не выказывается никакой непристойности. И когда они все, без различия пола, стали обниматься и целоваться и к ним в объятия ринулись прихожане — в этом тоже не было ни йоты плотского оттенка: чистая, кристаллизованная, материализованная, явленная в движениях и звуках одушевленность.

Уже Старуху, забившуюся в конвульсиях, унесли в угол к алтарю и поливали водой. Уже извели все бумажные салфетки обливающиеся потом барабанщики. Уже Толстуха, рухнувшая перед главным жрецом в зеленом колпаке, не могла встать и только приподнимала голову и даже не кричала, а сипела. Уже певица стала давать сбои и один раз уронила микрофон. Уже жрецы закурили сигары, а главный — трубку. Уже Красавица издавала не вопли, а просто жалобно визжала. Уже валялись там и сям человек пять, с подергиванием, с пеной на губах, с уханьем.

Марселло сказал, что пора, мы не стали спорить, и я с изумлением понял, что просидел три с половиной часа, не заметив этого, и более того — испытывая если и не желание выйти туда, к ним, в зал, в песнопение и пляску, то отчетливую острую зависть, что они могут так забыться, а я нет.

В этом диком зрелище не было ничего болезненного, надуманного, фальшивого. Катарсис здесь достигается самым простым и действенным путем: не интеллектуальным, а эмоциональным. Что-то подобное я уже видал — на исполнении негритянских госпел-сонгов в гарлемских церквях. И когда ты погружаешься — не до конца, разумеется, этого нам не дано, мы слишком рациональны — в такую сугубо чувственную стихию, то понимаешь дикарскую гармонию всех несопрягае-

мых, казалось бы, деталей. Древние барабаны — и микрофон. Христос — и русалка Иеманья из фольги. Сцена Рождества — и картонная женщина с голой грудью. Ухоженные ногти с лаком — и истошные крики с конвульсиями. Иоанн Креститель — и сабельки из цветной бумаги. Исповедь — и сигара.

Макумба — это эклектика в чистом виде, даже не культивированная, а просто зафиксированная, можно сказать — взятая из жизни. Хаос макумбы резко противостоит Космосу классических религий, их порядку, четкому ритуалу и распланированию. Макумба легко вмещает в себя все элементы бытия, потому и кажется такой естественной и настоящей. Потому, наверное, так и тянет в этот безумный танец.

Наступивший на следующий день Новый год уже не мог потрясти, но мог — восхитить. И — восхитил!

Человек, пусть предельно раскованный и свободный, — порождение традиций. Даже не воспитания и образования, а именно традиций, на наследственном уровне. Мы твердо знаем: Рождество и Новый год — снег, елка, разноцветные шары на ней. Нам более или менее все равно, что Рождество случилось на совсем иных широтах, где всего перечисленного не было и не бывает. А коль скоро мы празднуем то, что началось там, на бесснежном средиземноморском Востоке, получается — это мы не правы. Но универсальные радости оттого и универсальны, что охватывают всех и все. Снег — наше прочтение песка, остроконечная елка — преобразование остроконечной пальмы, цветные зимние шары срисованы с зимних плодов — апельсинов и лимонов. Так что Новый год на берегу теплого моря — скорее возвращение к естественным истокам, чем поиски экзотики.

Новогодние бразильские радости — даже не в климате и температуре, доходящей здесь в декабре–январе до тридцати градусов, а в том редкостном и захватывающем ощущении праздничного единства, которое преподносит Рио.